

«Острый взгляд на современную
жизнь, где-то между "Обитателями
холмов" и "Скотным двором"».

Weekend Magazine

МЭТТ ХЕЙГ
ПОСЛЕДНЕЕ
СЕМЕЙСТВО
В АНГЛИИ

Мэтт Хейг

Последнее семейство в Англии

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48437944
Последнее семейство в Англии: Лайвбук; Москва; 2020
ISBN 978-5-907056-32-9*

Аннотация

У каждого члена «Последнего семейства в Англии» есть секреты, но только один из них намерен все разнюхать. Навострив уши, он пытается угадать, какая из тайн забудется, если сидеть тихо, а какая разрушит его единственную семью.

Мэтт Хейг – одна из ключевых фигур современной британской литературы. Газета The Guardian назвала его сказку «Мальчик по имени Рождество» современной классикой, кинокомпания Studio Canal немедленно купила права на экранизацию. Автобиографический нон-фикшн Мэтта Хейга занимает первые строки в списках бестселлеров, а художественные романы «Семья Рэдли» и «Люди и я» удостоены престижных наград.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

говорить	7
нормально	9
удовольствие	10
сад	16
приношение	17
порошок	20
беспорядок	22
всюду	23
счастье	28
дар	29
девочка в зеркале	30
голос	31
еда	32
телефон	34
тяготение	35
беда	37
сон	40
звук	41
всхлип	42
хороший	47
принципы	49
уборка	55
табличка	57

сопротивление	60
график	64
африка	66
туфли	69
слюна	72
вздох	81
вонючая куча	83
хорликс[2]	88
спасители	91
мисси	94
отрубить	97
жесткий	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Пер. С Англ. К. Чистопольской Последнее семейство в Англии

Издание публикуется с разрешения Canongate Books Ltd
и литературного агентства Van Lear

© Matt Haig, 2004

© Ксения Чистопольская, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство Лайвбук», оформление, 2019

* * *

Посвящается Андреа

*Главная задача отца и мужа – обеспечивать
безопасность семьи.*

Дэвид БЕКХЭМ

*Премудрость вопиет на стогах,
и никто не внимлет ей.*

Уильям ШЕКСПИР¹

¹ У. Шекспир, «Генрих IV», Часть 1, Акт 1, Сцена 2, перевод Е. Бируковой.

говорить

Собаки любят говорить.

Мы говорим все время, без остановки. Друг с другом, с людьми, с собой. Говорим, говорим, говорим. Конечно, мы не разговариваем, как люди. Мы не открываем рот и не произносим фразы, как это делают они. Мы не можем. Мы видим, какой это приносит вред. Мы знаем слова, мы все понимаем, мы владеем речью, но наша речь длится, она не прекращается, когда мы решаем закрыть пасть. Всякий раз, когда мы обнюхиваем, лаем, тычемся носом в пах, поливаем фонарный столб, мы высказываем, что у нас на уме.

Так что, если хотите правды, спросите пса.

Но люди не всегда нас слышат. Они не всегда считают, что нам есть что сказать. Они приказывают, мы слушаемся. Сидеть. Место. Гулять. Ко мне. Апорт. Вот и весь разговор, что нам дозволен. Все, с чем люди могут сладить.

Но нас не удержать. В смысле, другие породы могут сильно злиться по этому поводу и порой прибегать к языку, который люди способны понять. Что до лабрадоров, мы готовы ждать. И к тому же, так мы многому учимся. Мы сидим и слушаем все это. Мы слышим ложь и чуем правду. Особенно в Семьях.

В конце концов, кто, как не собака, видит целостную картину? Кто, как не собака, может сидеть и наблюдать, что про-

исходит за дверь каждой спальни? Ролевые игры перед зеркалом, хныканье под пуховым одеялом, непрекращающийся диалог их безволосых тел? Мы – единственные свидетели.

И мы рядом, когда они готовы излить душу. Когда они готовы раскрыть свою невысказанную любовь.

Мы всегда рядом. Слушаем все и безмолвно их утешаем.

нормально

Я проснулся этим утром, будто ничего не случилось.

В первые туманные мгновения я чувствовал себя почти нормально, как раньше, когда Хантерам еще не грозила беда. Но потом я медленно сфокусировался на ботинках, брошенных у задней двери, и волна тошноты накрыла меня. Все вернулось. А главное – едкий привкус крови вновь возник в моей глотке, и я затосковал по времени, когда не сознавал, чего стоит охранять безопасность Семьи.

Затем, вслед за страхом, я ощутил странное чувство облегчения, когда вспомнил, что должно случиться сегодня.

Я вспомнил, что должен умереть.

УДОВОЛЬСТВИЕ

Мы на тротуаре возле дома Милого Мистера Ветеринара, когда Адам усаживается возле меня на корточках.

– Прости, Принц, – говорит он, и его рука опускается на мой ошейник. – Это все я виноват.

Я пытаюсь сказать ему, что все это, вообще-то, моя вина. Но, конечно, он не понимает. Он открывает дверь, и все оглядываются на нас, когда звенит колокольчик. Адам подходит к регистратуре, но там никого нет. Пока мы ждем, я чувствую, что все собаки обращают на меня внимание, замечают мой запах.

Я чую другого лабрадора, позади, но не оборачиваюсь посмотреть. Напротив, я быстро оглядываю тех псов, что сидят с хозяевами вдоль дальней стены. Трехлапая немецкая овчарка. Бордер-колли, клацающий зубами. Бобтейл, смеющийся про себя из-под косматой белой челки. Есть тут и кошка, шипящая за дверью своей клетки.

Конечно, никто не знает, почему я здесь – еще слишком рано.

Еще один запах подплывает ко мне – тошнотворно сладкие духи.

Женщина вернулась за стойку, хотя я не вижу ее.

– Это, э, мистер Хантер, – говорит Адам, прежде чем махнуть в мою сторону. – С Принцем. Мы записаны на полде-

сятого.

Женщина листает страницы.

– Мистер Хантер. Девять трид... – Внезапно она замолкает, перевешивается через стойку, чтобы посмотреть. Ее лицо – необъятная безволосая плоть, раскрашенная оранжевым. – Разве он не должен быть в наморднике? – Ее голос теперь тревожно напряжен.

– Все хорошо, – говорит Адам, выдавив подобие улыбки другим людям в комнате. – Он уже бывал тут раньше, и никогда не создавал проблем. Он всегда был... хорошим псом.

Повисает молчание. Но это не настоящее молчание, потому что звуки боли и страха пробиваются из другой комнаты.

– У нас есть намордник, – говорит женщина.

– О. – Я чувю, что он хочет и дальше меня защищать, но не знает, как.

– Таковы правила, понимаете, для опасных собак.

– Хм, ладно.

Она вручает Адаму намордник, и он вновь садится передо мной на корточки, на этот раз не выказывая сочувствия. Я не виню его за это. Вовсе нет. Этого ему никогда не понять.

Намордник крепко сжимает мой нос и мешает нюхать.

– Так, – говорит Адам, – идем, малыш. – Я чувствую, что он вот-вот расплчется, но старается взять себя в руки.

Он садится на единственный свободный стул, усадив меня прямо рядом с лабрадорихой, чей запах я учуял раньше. Я знаю, что она молода, моложе меня, и ее болезнь не серьез-

на.

– Долг превыше всего, – говорит она, обнюхивая сбоку мою морду.

– Долг превыше всего, – нюхаю я ее в ответ, сквозь намордник, надеясь, что на этом все закончится.

Она обнюхивает меня еще, затем садится.

– Ты тот самый, – говорит она. – Верно?

– Я не понимаю, – отвечаю я ей, хотя боюсь, что все понял верно.

Она оглядывается вокруг, проверяя, что другие собаки не слушают:

– Ты тот, кто нарушил Пакт лабрадоров.

Я сглатываю. Я хочу ей солгать. Я собираюсь солгать ей. Но она поймет, что я вру, и начнет задавать еще больше вопросов. И вокруг полно других животных, поддерживающих мою смерть. Допрос может продолжаться вечно.

И я говорю правду. Я говорю:

– Да, это я.

Смотрю на неё. Она выглядит так, словно кто-то дернул ее за хвост.

– Почему? Что тебя заставило?

– Это долгая... – Прежде чем мне удастся закончить, открывается дверь. Звенит колокольчик. Это спрингер-спаниель, тянет хозяина вперед.

Как только он замечает меня, его нос дергается. Унюхав мою вину, он начинает лаять:

– Это он! Это он!

Хозяин пытается его уговорить.

– Тише, Мёрдок! Тише!

Но, конечно, Мёрдок не обращает внимания и продолжает лаять.

– Это он! Это он! Тот, кто нарушил Пакт лабрадоров!

Другие собаки присоединяются к нему.

– Это он! – лает трехлапая овчарка.

– Это он! – тявкает бордер-колли.

– Это он! – хихикает бобтейл.

Мёрдок теперь играет на публику.

– Лабрадоры в кризисе! Пакт был фальшивкой! Собаки для собак, а не для людей! – Он начинает задыхаться в ошейнике. – Удовольствие, а не долг!

– Удовольствие, а не долг!

– Удовольствие, а не долг!

– Удовольствие, а не долг!

Кошка крутится в клетке в испуге, шипя еще яростней, чем прежде.

– Пожалуйста, успокойте своих животных! – требует женщина за стойкой. Но несмотря на старания людей, лай лишь становится громче.

– Видишь? – говорит мне соседка-лабрадориха. – Видишь, что ты наделал? Спрингеры решат, что они победили! Лабрадоры потеряют веру! Начнется анархия!

И словно в доказательство ее слов Мёрдок вырывает свой

поводок, допрыгивает до стойки и начинает слизывать краску с оранжевого лица женщины.

– Простите, я не хотел нарушать Пакт, – говорю я, пытаюсь убедить не только лабрадорику, но и себя. – Но у меня не было выбора.

– Не было выбора?

– Пакта недостаточно. – Я оборачиваюсь и смотрю на нее, а затем на Адама, который пытается защитить мои уши от шума.

– Но почему? – Хотя она неизбежно расстроена моим святотатством, я вижу, что она искренне пытается понять. И, пока вокруг нас стоят шум и хаос, я впервые понимаю, что для людей еще может оставаться надежда.

Держа в голове эту мысль, я начинаю отвечать на ее вопрос.

ПАКТ ЛАБРАДОРОВ:

Долг превыше всего

Счастье и безопасность человеческих Семейств покоится на жертве.

Нашей жертве.

Мы – последние собаки, которые понимают, что долг превыше всего. Мы последние, кто знает, что человеческие Семейства держат в своих руках наше будущее. Никогда еще не было так сложно поддерживать гармоничную

Семейную среду, и никогда это не было столь жизненно необходимо.

Лабрадоры должны посвятить каждую крупницу своих жизней защите хозяев, если мы хотим достичь Вечной Награды. Если хоть один лабрадор не исполнит своей задачи, вся миссия будет подвергнута риску.

Все меньше Семейств заводит собак для защиты, и еще меньше заводит лабрадоров. Это значит, что наше влияние на человеческое общество скоро начнет угасать. Чтобы предотвратить эту ужасающую ситуацию, каждый лабрадор, в Семье он живет или нет, должен действовать в интересах своих хозяев.

Если мы поддадимся инстинктам и забудем о тех, кто заботится о нас, мы никогда не воссоединимся с нашими Семьями после смерти. Поэтому мы должны постоянно помнить высшую истину: разувериться в людях означает разувериться в самих себе.

сад

Я был в саду с Адамом.

Лежал на боку, в траве, нежась на солнце под теплым ветром. Приложив ухо к земле, я мог слышать нежный пульс земли глубоко внизу. Та-дам. Та-дам. Та-дам.

Адам не слышал звуков земли. Он всю сражался с розовым кустом. И, хоть он и был вооружен железными ножницами, розовый куст явно побеждал.

– Ах. Дрянь. Боже. Ах. Черт. Подери, – сказал он, когда колючие стебли предприняли необходимые защитные меры. В конце концов, хотя несколько щелчков ножницами были успешными, он отступил и признал поражение.

– Не знаю, малыш, не знаю, – сказал он мне, отирая бровь тыльной стороной руки в перчатке. Бросив быстрый косой взгляд на солнце, он отвернулся, наклонился и занялся более нежными отростками.

Щелк, щелк, щелк.

Старался, чтобы Природа знала свое место.

приношение

Позже, когда спустились сумерки, Адам повел меня на вечернюю прогулку.

В парке было много людей-подростков, которые сидели на стене. Они делали это каждую неделю, просто приходили и сидели.

Адам старался к ним не приближаться. Он знал некоторых по школе и, думаю, предпочитал оставаться неузнанным. Так что он держался другой стороны парка, искал палочки.

Я увидел одну прежде него, подходящей длины, и носом привлек внимание. Он слабо улыбнулся и, погладив мою шею, подобрал палку.

– Хорошо, Принц, хорошо.

После пары ложных бросков он завел руку за плечо и кинул палку. Я побежал, быстро, пока она летела по воздуху прямо в небо. Я бежал и смотрел на нее, не спуская глаз, даже когда цветы били меня в грудь, смотрел, ждал, когда она достигнет высшей точки, помедлит, не двигаясь, прежде чем вернуться вниз – быстро, еще быстрее – пока не упадет на землю передо мной, неловко подпрыгнув. Не успев заметить, палка оказалась у меня в зубах, и я побежал к Адаму, торжествуя.

Потом мы повторили ритуал еще два раза. Бросок. Лови.

Принеси. Бросок. Лови. Принеси. Мы оба в равной степени наслаждались этим. Для меня главное было приносить, я чувствовал удовлетворение, возвращая вещи обратно. Чтобы начать сначала. Закономерность. Повторение. Для Адама, правда, главным был сам бросок. Отпускание.

Посреди четвертого захода, когда палка упала, кто-то закричал. Сперва я не расслышал слов, и Адам тоже, и мы подошли поближе к стене парка.

Увидев, что мы приближаемся, один из подростков, мальчик, встал.

– Прости, – сказал Адам. – Я не расслышал. Как ты меня только что назвал?

– Задрот. Я назвал тебя задротом, – и затем, бросив скорый, воодушевляющий взгляд на одного из друзей, он добавил: – *Сэр*.

Подростки засмеялись, их головы теперь склонились к земле.

– Очень смешно. Я удивлен, что консультант по профориентации не посоветовал тебе стать юмористом.

– Не важно, – мальчик глубоко затянулся сигаретой. – Но вот в чем дело, я теперь не в школе, так что не обязан терпеть все твоё дерьмо.

– Да, уверен, для тебя это большое облегчение.

– Отъебись, сэр.

Он плюнул, помечая свою территорию.

Я подошел и понюхал его. От него пахло поврежденной

кожей. Он был ранен под одеждой.

– О, глянь, он натравил на тебя своего пса, – сказал другой мальчик, прикрыв рот рукой.

Я зарычал.

– Ой, сейчас обделаюсь. На помощь! На помощь!

Снова смех.

– Иди сюда, Принц.

Я вернулся к Адаму по команде. Он взял меня за ошейник и пристегнул к поводку, прежде чем выйти из парка. Когда мы начали переходить дорогу, я что-то учуял позади.

Я обернулся и увидел бутылку, летящую по воздуху. Она разбилась у моих лап, разбросав в разные стороны тысячи невозстановимых осколков. Адам испуганно подпрыгнул.

И снова подростки рассмеялись.

– Задрот! – Закричал парень в последний раз, прежде чем мы повернули за угол.

– Все хорошо, мальчик, – уверил меня Адам. – Все хорошо.

порошок

Хэл сыпал белый порошок в стакан и заливал водой. Вот уже несколько дней он был в пижаме.

– Мама еще в больнице, – сказал он Адаму, хотя его не спрашивали.

– О, – ответил Адам. – А Лотти?

– Да, она вернулась. Мама Сары ее привезла. Она наверху.

Адам начал рассказывать Хэлу о брошенной бутылке, но не успел закончить, как Хэл согнулся, хватаясь за живот. Затем он повернулся и быстро побежал в ванную. Неприятные запахи остались.

Адам пошел смотреть телевизор.

Я последовал за ним, и, поскольку Кейт еще не вернулась, свернулся калачиком возле него на софе.

Он гладил меня по голове, переключая каналы, и не держался на собаках, играющих на пианино, и танцующих кошках.

Хэл вернулся из туалета, все еще держась за живот.

– Как ты? – Спросил его Адам.

– Все так же.

– О боже.

Шарлотта спускалась по лестнице. Она оставила открытой дверь своей спальни, чтобы музыка просочилась на первый этаж. Адам и Хэл ничего не сказали, когда она вошла.

У Шарлотты, похоже, был новый образ.

– Все хорошо, засранец? – обратилась она к брату.

– Не говори так, – отозвался Адам.

– Почему? Это ведь правда?

– У него понос. Он плохо себя чувствует. А что у тебя с лицом? Ты похожа на Смерть.

– Это макияж.

– Не волнуйся, папа, – сказал Хэл в притворном ободрении, все еще держась одной рукой за живот. – Ей тринадцать. Она растеряна и сбита с толку. Ей нужно экспериментировать с разными образами. На прошлой неделе Бритни, на этой – Мэрилин Мэнсон. Мы должны постараться и быть рядом... – Он схватился за живот и издал звук, который означал, что ему больно.

– Отвянь, засранец, – и прежде чем Адам успел отчитать ее, она уже вернулась наверх.

беспорядок

Когда Кейт вернулась домой, Адам спросил, как ее отец. Она не ответила, по крайней мере, не прямо.

– Кто оставил это там? – спросила она.

– Что?

– Собачий поводок. Почему его не убрали?

– Я собирался. Меня осыпали оскорблениями дети в парке. Я преподавал у них...

Кейт прошла дальше, в кухню.

– О, Адам, взгляни на этот *беспорядок*.

– Любимая, прости. Ну же, сядь. Ты выглядишь усталой.

Я подошел понюхать ее, и все было так же, как часто бывало по вечерам. Больничные запахи. Дедушка Билл. Должно быть, она держала его за руку, заметил я, обнюхивая ее. И должно быть, она держала его долго, потому что запах был сильнее, чем прошлым вечером, когда они навещали его все вместе.

Кейт взглянула вниз, когда я нюхал ее, и мягко улыбнулась. Той улыбкой, что берегла для меня.

– Здравствуй, Принц.

ВСЮДУ

Позже, когда меня закрыли, вернулась Лапсанг. Ее не было два дня, и я начал ощущать ее отсутствие. Конечно, она уходила и прежде, много раз, по правде говоря, она отсутствовала больше, чем была дома. Но все равно, после неловкого начала наши отношения наконец расцвели, и когда ее не было вечерами, мне не хватало собеседника.

И когда она царственно проскользнула сквозь кошачью дверцу, мое сердце забилося.

– Где ты была? – спросил я ее. Мой тон был любопытствующий, а не сердитый.

– Всюду, – проурчала она. – Всюду.

– Думаю, Семье тебя не хватало.

Она оглядела меня тяжелым скептическим взглядом.

– Думаю, ты обнаружишь, что Семья даже не заметила.

– Будь уверена: они скучали.

– Что ж, дорогой, им придется скучать по мне еще, ведь я вернулась ненадолго.

– Но...

– Вообще-то, я подумываю вовсе уйти.

– Ты не серьезно.

– Боюсь, что серьезно, сладкий, – она лизнула свою лапу. –

Тебе никогда не хотелось уйти? – спросила она, потянувшись в корзинке.

– Не понял?

– Тебе порой не хотелось просто уйти, убежать, начать все заново?

– Нет. Должен признать, что нет.

– О, а мне да. Вообрази, какая это свобода. Представь, дорогой. Ходить от дома к дому, создавая новые характеры, новые имена, и получая неиссякаемый запас молока.

– Но ты бы не смогла, верно? Ты бы не смогла оставить Семью навсегда?

– А почему бы и нет?

– Ты бы скучала по всем.

– О, нет. Видишь ли, тут ты ошибаешься. Я бы вовсе не скучала по ним. Ни капельки. Я бы просто думала обо всех новых коленках, на которых я могла бы лежать.

Я вздохнул.

– Думаю, ты отрицаешь.

– Отрицаю? – промяукала она недоверчиво.

– Угу. Я тебя видел. Я видел, как ты крутишься возле Шарлотты. Ты ее очень любишь.

Ее голова втянулась в шею.

– У нее самые теплые коленки в доме.

– И это все? Просто теплые коленки?

– Да, Принц. Боюсь, что так. Это все, что она для меня значит.

– Я не верю.

Ее голос изменился.

– Что ж, поверь. Если слишком привязываешься к людям, это только вредит. – Хотя у нее была склонность преувеличивать, я не мог не заметить убежденности в ее взгляде.

– Как так?

– Дорогой, послушай. Я брожу по городу каждый день и каждую ночь. Я не такая, как ты. Я подвижна. Могу пойти, куда захочу. Я заглядываю в окна и вижу, что происходит. Я забираюсь в сады и порой, если знаю, что это безопасно, захожу в дома. Я слышу истории, которые рассказывают другие кошки. У людей кризис. Они притворяются перед всеми, что все еще счастливы, как всегда, но за закрытыми дверями все иначе. Они потеряли контроль. Родители и дети воюют – друг с другом и между собой.

– Так к чему ты это?

– Я к тому, что если ты слишком сблизись с Семьей, то пойдешь ко дну вместе с ними.

– Есть вещи, Лапсанг, которые даже ты не понимаешь.

Лапсанг взглянула на меня с сомнением.

– Чего я не понимаю?

– Что Семья будет в безопасности.

– Как ты можешь быть уверен, когда это уже происходит? Когда знаки ее печального, но неизбежного распада уже здесь.

– В домах, которые ты посещаешь, живут лабрадоры?

– Не знаю, не думаю. У большинства, пожалуй, вообще нет собак.

Я положил голову на лапы и закрыл глаза.

– Я так и думал.

– *Что* ты думал?

– Ничего. Все, что тебе нужно знать: нет нужды беспокоиться. Правда. Я лабрадор, – сказал я ей. – Семья будет в безопасности.

Возникла пауза, а потом она заурчала:

– О, дорогой, ты такой глупый песик, – сказала она. – Я не *беспокоилась*.

Конечно, Лапсанг не знала о Пакте. Она не знала, что мы были единственными собаками, готовыми посвятить свои жизни защите хозяев. Она не понимала, что все другие породы разуверились в этом деле. Она даже не понимала, что было какое-то дело. В конце концов, она была кошкой.

Но когда я вновь открыл глаза и уставился на четыре пары ботинок, аккуратно расставленных Кейт напротив ящика с овощами возле задней двери, я ничего не мог поделать, и слова Лапсанг вновь раздались у меня в голове.

...слишком сблизился с Семей, и пойдешь ко дну вместе с ними...

ПАКТ ЛАБРАДОРОВ:

**Готовьтесь к переменам
в людском поведении**

Человеческая жизнь не укладывается

в удобный план. Несмотря на все наши усилия, люди постоянно сбиваются с пути из-за событий, которые происходят с ними. Даже когда событие ожидается или происходит не в первый раз, оно все равно может серьезно повлиять на поведение наших хозяев.

Наш долг как лабрадоров – быть готовыми к изменениям в любой момент. Мы должны сознавать, что именно наше присутствие, которое указывает, что все всегда будет идти своим чередом, способно вернуть людей к повседневности.

Когда бы ни случились перемены, мы должны оставаться верными своей цели. В конце концов, мы должны помнить, что безопасность человеческого Семейства подвергается риску не из-за перемен, а из-за нашей неподготовленной реакции на них.

счастье

Адам отстегнул поводок, но оставил руку на моем носе.

– Место.

Это всегда было его любимой игрой.

– Место.

Удерживать меня как можно дольше.

– *Ме-есто.*

Я сидел на траве в парке.

– Молодец. Место.

А он отступал от меня, идя задом наперед.

– Место. Место.

Чтобы дать себе фору.

– Ну же, малыш! Ко мне!

Я сорвался с места, как гончая. Заметьте, мне пришлось это сделать, потому что стартовая отметка и финишная черта находились друг от друга на расстоянии одного собачьего прыжка. Но мне это нравилось. Нравилось приносить ему счастье. Нравилось смотреть, как он откидывал голову, когда я толкал его к невидимой ленте.

– Ничья, – выдыхал он, хотя я был уверен, что он знал: я побеждал с небольшим перевесом.

дар

Если бы я попытался вспомнить, когда все началось, когда я впервые начал сомневаться в своем даре, мне было бы трудно выделить отдельный момент. Определенно, это не случилось за одну ночь. Я не проснулся в своей корзинке, обнаружив, что вся Семья за завтраком вдруг ускользнула из-под моего контроля.

Все, что я могу сказать: было время, когда казалось, будто все хорошо, когда Пакт лабрадоров давал все ответы, а Хантеры казались неподвластными угрозам внешнего мира.

Возможно, это была иллюзия. По правде, я знаю, что так и есть. Но это была иллюзия, в которую верил каждый член Семьи. И хотя я не могу вспомнить, когда начал сомневаться в Пакте, я помню, когда иллюзия стала блекнуть.

Все началось не с разбитой бутылки, нет. Все случилось неделю спустя. В день, когда Хэлу стало лучше.

девочка в зеркале

Я беспокоился за Хэла, но это было не ново. Я беспокоился уже довольно давно.

Из-за того, что он никогда не был собой, ни перед кем. Из-за того, что он был шумным и уверенным в себе среди Семьи, но цепенел перед внешним миром. Из-за того, как он говорил с зеркалом, словно это была девушка его мечты, Лора Шепард. В тот вечер я просто лежал там, на полу его спальни, пристально наблюдая.

– Привет, Лора, – сказал он. А затем попробовал другой тон. – *Привет, Лора.*

Он позвал ее на вымышленное свидание:

– Что ты делаешь в пятницу вечером? – спросил он, выжидающе подняв бровь.

Конечно, девочка в зеркале не ответила, а он не настаивал. Вместо этого он подождал, когда она отвернется или полностью исчезнет, чтобы он смог выдавить свои угри.

ГОЛОС

Голос с первого этажа. Его мама:

– Еда готова.

еда

Я спустился вниз и сел в корзину, чтобы проследить за всем, как обычно. Однако, не закончив, Шарлотта отложила нож и вилку. Кейт заметила, что она не доела рыбу.

– Ты оставила рыбу, – сказала Кейт.

Шарлотта глубоко вдохнула и объявила:

– Я решила стать вегетарианкой.

– Но Шарлотта, – возразила ей мама, – ты не любишь овощи.

– И дохлых животных я есть не люблю.

– Каждый десятый человек в Британии вегетарианец, – объявил Хэл, проглотив кусок рыбы.

Адам положил руку на плечо Кейт.

– Если Шарлотта не хочет есть мясо, это ее собственное решение.

– Адам, ей тринадцать.

– И среди всех сегментов населения вегетарианцев больше среди девочек-подростков, – продолжал Хэл. – Думаю, дело в том, что они хотят контролировать, что едят. Это вопрос власти, по сути.

Шарлотта презрительно фыркнула на брата.

– Через сто лет все будут вегетарианцами, потому что поймут, как отвратительно, примитивно, варварски есть других животных. Мы все должны быть равны.

– Но Шарлотта, тебе *нужно* есть рыбу и мясо, чтобы получать витамины и белки, – возразила Кейт.

Шарлотта взглянула на меня.

– Ну, в Принце много витаминов и белка, почему же мы не едим его?

Хэл насмешливо хмыкнул.

– Он не поместится в духовку.

– Шарлотта, это нелепо, – заявила Кейт. – Собаки – другое дело.

Адам придвинулся на стуле.

– Но она задает хороший вопрос. В смысле, мы находим идею съесть Принца отвратительной, потому что очеловечиваем собак больше, чем других животных.

Кейт уставилась в потолок, пока Адам продолжал.

– В смысле, у собак теперь свои психотерапевты, верно? И духи. Я читал в газете, что в Лондоне есть даже ресторан для собак. Возможно, очень скоро у них будут свои *вегетарианские* рестораны. Представьте.

– Да, – произнесла Кейт, разочарованная, но не удивленная недостаточной поддержкой мужа. – Представляю.

телефон

Вот он. Тот момент. Последний раз, когда все было нормально.

Потому что тогда зазвонил телефон.

ТЯГОТЕНИЕ

Адам пошел ответить, закрыв за собой дверь кухни. Его голос был приглушен, но Кейт поняла, что что-то не так. Она открыла дверь, когда Адам положил трубку.

– Он...

Кейт взглянула на него, в отчаянии изучая его лицо, ища знака, что это не та новость, которой она боялась на протяжении недель.

– О чем ты?

– Твой отец. Он...

– Нет.

– Кейт, мне жаль.

– Нет.

– Это была сиделка, из палаты интенсивной терапии. Она сказала, что не было времени позвонить, понимаешь, пока...

– Нет.

– Она сказала, все случилось быстро. Без боли.

– Нет, не может...

– Дорогая, мне очень жаль, – Адам шагнул вперед. – Мне так... жаль.

Ее голова упала ему на плечо, а руки стиснули его рубашку. Шарлотта стояла в дверях кухни. А позади нее Хэл.

– Что случилось? – спросили они вместе. А может, только Шарлотта. Не помню.

– Дедушка, – объяснил Адам. – Он...

Слово, которое он не мог произнести, заполнило весь дом и усилило земное тяготение.

Шарлотта и Кейт с трудом держались на ногах. Хэл и Адам с трудом их поддерживали.

А я просто стоял возле кухонного стола, не зная, что делать. Не зная, что это значило для Семьи.

беда

Только позже, когда Адам сказал Хэлу, что бабушка Маргарет будет жить с нами, смысл начал проясняться.

– Папа, ты шутишь.

Адам вздохнул.

– Боюсь, что это единственный вариант.

– Но у нее есть бунгало.

– Для нее это слишком дорого. И в любом случае, мама думает, что ей будет лучше здесь.

Хэл отложил свой сэндвич с арахисовым маслом и «Мармайтом» на тарелку и проглотил то, что оставалось во рту.

– Но это будет полный кошмар.

Адам подошел туда, где стоял я, между кухней и коридором, и потянул меня вперед за ошейник. Он закрыл дверь, чтобы не дать словам просочиться наверх.

– Ну же, брось. Подумай о маме. Она хочет, чтобы бабушка жила здесь.

– Но у меня экзамены. Я должен готовиться.

– Прошу, Хэл. Не усложняй все еще больше. – Адам теперь смотрел в кухонное окно на то, как Лапсанг прогуливалась по забору.

– Я не знаю, почему мы все так расстроились. Дедушка не мог толком говорить уже много лет. Он просто сидел там и медленно доходил в углу.

– Хэл, ты не серьезно.

– Если бы это был Принц, нам бы пришлось его усыпить. – Я поднял голову, расслышав свое имя, притворяясь, что не понимаю.

– Хэл, брось. Подумай о маме, подумай... – Адам осекся, расслышав приглушенные голоса Шарлотты и Кейт наверху. Он посмотрел на меня и сказал:

– Думаю, мне нужно его покормить.

– Нет, папа. Все хорошо. Я сам.

Но я не был голоден.

Я просто паялился в свою миску, полную мяса и печенья, пытаюсь придумать, что делать. Кто больше всего нуждался в моей поддержке? Кейт и Шарлотта, терзаемые тем, что случилось? Или Адам и Хэл, терзаемые тем, что последует?

Требовалась осмотрительность. Было воскресенье. Воскресенья всегда опасны, даже в лучшие времена. Семья слишком много времени проводит вместе и слишком много общается. Но в это воскресенье атмосфера была еще хуже и напряженней.

Завтра все наладится. Я смогу поговорить с Генри, моим наставником и другом-лабрадором. Он скажет мне, что делать, как и всегда, с тех пор как я прибыл к Хантерам. С тех пор как меня спасли.

Но прямо сейчас я не мог собраться. Я чувствовал, что что-то не так, но не мог уловить, что. Бабушка Маргарет придет к нам жить. Это плохо, да. Признаю. Но опасно? Конечно.

но, нет. И все же определенно было что-то среди этих печальных запахов, оно сгущалось в воздухе.

Комната вокруг меня была заряжена отрицательной энергией. Посудомоечная машина, холодильник, ящик с овощами, даже моя корзина – все казалось тайным оружием в невидимой войне. И именно тогда мне стало впервые понятно. Беда грядет, и только я способен ее остановить.

СОН

Той ночью они забыли закрыть меня, так что я спал на лестнице, потерявшись в жестоком волчьем сне. Я бегал на воле. Быстро бежал сквозь лес, вместе со стаей, и солнце проторяло себе путь над горизонтом. Я слышал вой вдали. Чужая запах крови: мы приближались к нашей утренней добыче, сердце и лапы стучали в унисон. Еще запахи. Сосны, кора, земля, пот, кости, волки, солнечный свет. И быстрее, вниз с холма, поваленный лес, затем открытая местность, последний поворот, мы движемся как один. Обещание крови было повсюду, перебивало все остальное. Через секунду мы окружим ее, нашу добычу, со всех сторон. Мы пригнули головы и пошли. Вот оно. Не убежать. Мы рвали плоть, кровь брызгала нам на морды. Но прежде чем я смог ощутить вкус, я проснулся.

ЗВук

И был звук.

ВСХЛИП

Перебивая ветер снаружи, из комнаты Шарлотты раздавались тонкие всхлипы. И запах. Знакомый запах босых ног Адама. Я наблюдал затуманенным взором, как они остановились передо мной. Его пальцы на ногах дернулись. На том конце пижамы явно принималось какое-то решение.

Он нагнулся к двери Шарлотты.

– Лотти? – прошептал он.

Нет ответа.

– Шарлотта, милая. Все хорошо?

Еще один всхлип.

Он мягко открыл дверь. Она сидела в кровати, сжимая уголок одеяла. Запах в комнате был знакомый. Такой же был той ночью, когда бабушка Маргарет присматривала за ней и грозила деревянной ложкой (которую она бы использовала, если бы я не вмешался). Запах был, когда Хэл кричал на нее и говорил, в первобытном приступе братской ярости, что придет к ней в комнату среди ночи и выбросит ее из окна. И был, когда она обнаружила, совсем недавно, первые следы крови на трусиках, и слишком напугалась и смутилась, что-бы сказать кому-то. Кроме меня.

Но теперь, если это возможно, запах стал еще сильнее.

– О, Шарлотта, детка, – сказал Адам, усаживаясь рядом с ней на кровати. – Брось, не плачь.

Руки Шарлотты тяжело лежали на коленках, и хотя мы были близко, она казалась совершенно одинокой. Перенесенной в другой мир – мир горя.

Адам тоже это почувствовал и понял, что слов не хватит, чтобы ее вернуть. Он хотел утешить ее. Прикоснуться, обнять.

Он сомневался. Устало потер свое лицо.

Сейчас он мало что мог сделать. С тех пор как ее тело начало набухать женственностью, он был очень осторожен. Хотя мне было трудно понять эту проблему, я чувствовал его тревогу, когда он сидел с ней рядом, с парящей над ее коленкой рукой, пытаясь вспомнить, где находятся нейтральные зоны.

В итоге он обнял ее за плечи. Это было неловко поначалу, и мы почти ожидали, что Шарлотта уклонится. Но нет. Напротив, ее голова поневоле упала Адаму на грудь, и девочка забилась в рыданиях.

– Дедушка, – слово звучало приглушенно, но отчаяние в ее голосе и запах были слишком ясны.

– Знаю, Лотти, – сказал Адам.

Я ощущал полную беспомощность. Я абсолютно ничего не мог сделать, чтобы изменить ситуацию, или хотя бы подбодрить их. Пакт не готовит вас к таким моментам. Момен-там, когда боль есть, а опасности нет.

Но все равно я хотел помочь.

Я заботился о них, вот в чем дело.

До этого мгновения – когда я увидел, как Шарлотта уткнулась в пижаму Адама, в надежде что все исчезнет – моя забота о Семье заключалась в приверженности Пакту. И вот я стоял за пределами сцены, которую нюхал, неспособный никак на нее повлиять.

Но нет: это мои мысли сейчас, когда я вспоминаю. А тогда я не сомневался в Пакте. Я был в замешательстве, конечно, и хотел все исправить. Но тут не было неповиновения. Я все еще учился, еще было то, чего я не знал. Я не полностью понимал двойственную природу боли, что она могла и разделять Семьи, и спланивать их.

И конечно, даже зная то, что я знаю сейчас, даже совершив те ужасные поступки, я бы ничего не мог сделать. Ничего, что остановило бы эти запахи грусти.

– Что происходит?

Это была Кейт. Осознав, что ее вопрос не требует ответа, она тоже вошла в комнату и села на кровать. Шарлотта, тут же успокоенная ее присутствием, отстранилась от груди Адама и уткнулась в мамину.

– Почему людям приходится умирать? – спросила Шарлотта, вытерев лицо ладонью. – Это так несправедливо.

Кейт проглотила собственное горе и взглянула на Адама.

– Уверена, что где бы дедушка сейчас ни был, он смотрит прямо на нас.

– Нет, неправда, – сказала Шарлотта, – он ушел навсегда. Мы все уйдем навсегда. Больше ничего нет.

Столкнувшись с этим новым открытием, Шарлотта выглядела так, будто ее вот-вот стошнит. Оба родителя обнимали ее теперь, и было слышно, как Хэл встал с постели и направился в ванную. Он писал, затем послышались громкие звуки смыва.

Мгновения спустя он тоже сидел на постели сестры.

Он ничего не говорил. Он не плакал. Он не присоединился к скорбным объятиям. По правде, необученному носу могло показаться, что он слишком устал для любых переживаний. Но когда я подошел и понюхал его, пытаюсь не замечать запах его трусов, то смог различить удушающий запах печали, столь же тяжелой, как и у других.

Его родители продолжали утешать сестру.

– Ну же, Шарлотта, ты должна быть сильной.

– Пусть дедушка гордится тобой.

Наконец, все еще держа одну руку на спине дочки, Адам повернулся к Хэлу и спросил, как он.

– Да нормально, – ответил тот. – Правда, нормально.

Последнее «нормально» было почти неразличимо в сильном порыве ветра, который ударил в окно. Хэл жизнеутверждающе улыбнулся, но в его глазах было что-то еще. Что-то, что нельзя было изгнать объятием. Что-то, что таило в себе тьму, скрывало растущую угрозу внешнего мира, за пределами Семьи.

За пределами моей защиты.

ПАКТ ЛАБРАДОРОВ:

Учитесь у старейшин

В самом начале миссии юным лабрадорам требуется наставничество и обучение, и на старших представителях нашей породы лежит ответственность в обеспечении такой помощи. Пакт требуется растолковывать и применять к каждой индивидуальной миссии, и только те, у кого есть достаточно опыта, будут способны помочь молодым лабрадорам в этой задаче.

Не подчиняться нашим старейшинам или отвергать их – это подрывать священный порядок, который помогал нам защищать хозяев-людей на протяжении всей истории.

хороший

Вечер в парке был временем сближающего общения. Я и Адам. Никаких других собак, которые могли бы нас отвлечь. Утром, однако, парк менялся. Он превращался в учебную площадку.

– Долг превыше всего.

– Долг превыше всего.

Я как никогда был рад видеть золотистую морду Генри. Один его запах уже придавал мне уверенности.

– Я чувю, что ты обеспокоен, Принц. Что-то не так? Твоя Семья в опасности?

Каждое утро с тех пор, как началась моя миссия, он обучал меня тому, что значит быть хорошим лабрадором, и как я должен жить в соответствии с Пактом. Если кто-то и мог сказать мне, что делать, так это он.

– Я не знаю. Умер отец Кейт. Бабушка Маргарет приедет к нам жить. Все расстроены.

– Это естественно, Принц.

– Да, знаю. Но я беспокоюсь, чем это обернется в будущем.

– Нет повода для беспокойства, Принц. Ты молодец. Только помни: все под твоим контролем.

– Но... – Я осекся, видя, как спрингер-спаниель направился к нам.

– О, нет, – сказал Генри, – а вот и спрингер.

принципы

Спрингер врезался в Генри, сбив его с ног. Затем, когда Генри вновь поднялся, спрингер попытался взобраться на него, агрессивно толкнув его несколько раз, прежде чем убежать, не сказав ни слова.

Меня бесило, когда это случалось. И должен сказать, это случалось часто. Для большинства собак, которых мы встречали в парке, Генри был посмешищем. Конечно, *всех* лабрадоров высмеивали время от времени, особенно спрингеры. Это неизбежно. Наши принципы, заявленные в Пакте, считались старомодными. В конце концов, это век, когда собачий долг и жертвенность заменили упрямая погоня за удовольствием и лишь малейшее внимание к нашим людям-хозяевам.

Генри, однако, доставалось больше, чем остальным.

Он был не слишком общительным и никогда не прятал презрения к нюхаголикам. «Нюханье всегда должно иметь цель помимо чувствования», – заявлял он. Его считали, полагаю, лишенным чувства юмора и слишком серьезным (впечатление это усиливалось его статусом бывшей полицейской собаки-нюхача). Его ум всегда был занят высшими вопросами.

Ну, я так думал. Оглядываясь назад, я понимаю, как много он держал в себе. Сколько боли, должно быть, он чувствовал.

Сколько вины.

Но в то время я безмерно любил и уважал мудрого старого лабрадора. Его полная преданность делу казалась не иначе как героической. Я равнялся на него, следовал за ним, когда он устремлял в небо свою увесистую челюсть, и жаждал его уважения.

– Мне жаль его, – произнес Генри, кивая в сторону владельца спрингера. – На что он надеется, живя с ним? С тем же успехом можно было завести кошку. И не стоит напоминать тебе, что именно поэтому люди погрузились в хаос. У большинства уже нет собак, а те, что решают их завести, редко выбирают лабрадоров.

Я вспомнил кое-что, сказанное им по другому поводу.

– Но я думал, что, если лабрадоры будут следовать долгу, у каждой Семьи появится шанс. Даже у тех, что без собак.

Генри поколебался, отступив на цветочную клумбу, и задрал лапу.

– По идее, да, Принц. Все верно. Как говорит Пакт: «Защищая одну Семью, защищаешь все». Но наше влияние затухает. Мы не можем игнорировать факт, что Восстание спрингеров имело реальные последствия. Когда каждая собака следовала своему долгу, почти каждая Семья в Англии была в безопасности, не важно, какого питомца она выбирала. Даже тех, у кого не было питомца, часто можно было спасти, таково было влияние нашего вида на человеческое общество. Но теперь Семьи распадаются повсюду. Мы боль-

ше не можем слишком заботиться о судьбе других людей, но должны сосредоточиться на тех, кто нам ближе всего.

– Но ты заботишься о моей Семье.

– Верно, Принц. Верно. Но это потому, что твою Семью можно спасти. Ты лабрадор и понимаешь, что это значит. – Он взглянул на своего хозяина, Мика, который был занят разговором с Адамом на парковой скамейке. Как всегда, Адам будто бы не слушал, что тот ему говорил, вместо этого разглядывая огромный, только что построенный дом, в тени которого они сидели.

Я не много знал о Мике, ведь Генри мало что рассказывал мне о собственной миссии. Генри был старше меня, намного старше, старым как сам парк. Он имел право хранить молчание. В старейшинах не сомневаешься, если ты лабрадор. Но мне не нужно было сомневаться. Факт заключался в том, что у Мика был Генри. Поэтому, если у Мика была Семья, она была счастлива. Генри знал Пакт, его историю, значение – лучше, чем кто-либо из тех, кого я встречал. Кроме того, он был хорошим учителем, опиравшимся (как я думал), на свой личный опыт. Поэтому мне не нужно было, чтобы Генри поведал мне все о Мике. Я верил.

И все-таки я знал кое-что. Я знал, что Мик раньше служил в полиции, вместе с Генри, но теперь он был слишком стар. Я знал, что «он способен заболтать Англию», потому что так Адам сказал Кейт. Я знал, что он живет с Генри в одном из маленьких старых домиков напротив парка. Я знал,

и ветер знал тоже, что пряди волос на его голове были не его. Но это было все.

Я видел однажды женщину, выходившую из дома Генри. Женщину с печальным лицом и еще более печальным запахом. Она пахла слишком несчастно, чтобы быть частью Семьи, за которой присматривал Генри, но потом я подумал, что возможно, у нее был неудачный день.

Генри продолжал, все еще поглядывая на парковую скамейку:

– Ты должен быть осторожен во времена перемен. Но не нужно паниковать. Я знаю, что ты впервые в такой ситуации, но надеюсь, я хорошо тебя подготовил. Ты должен быть сильным всегда. Не важно, как станет плохо, не важно, сколько ссор возникнет в Семье, и сколько раз тебя оставят без внимания, – не забывай, что ты главный. Что ты обладаешь властью все исправить. Понимаешь? Ты будешь сильным?

– Да, – ответил я, обретая уверенность. – Буду.

– О, боже, – сказал он, наблюдая, как Мик и Адам встают и подходят к нам. – Похоже, у нас не будет времени на утренний урок – Контроль Усиленным Вилянием. Мы прибережем это на завтра.

Когда они подошли к нам, я заметил, что Мик оживлен больше, чем обычно, и даже более говорлив. Я слышал его голос:

– Говорю тебе, эта сегодняшняя молодежь в половине слу-

чаев даже не знает, что родилась. Они все принимают как должное, а затем выбрасывают. Только посмотри, взгляни на это... – он махнул ногой в сторону разбитой бутылки на земле. – Это постыдно. Они приходят сюда на выходных, пиваются до одури, принимают наркотики и вытворяют бог знает что. Впрочем, что я тебе рассказываю.

Адам был удивлен этим комментарием, возможно, не мог решить, обращался ли Мик к его статусу родителя или учителя.

– Что ж, я вижу подобные случаи в школе, – сказал он. – Но у многих из этих детей большие проблемы дома, понимаешь. Родители на героине, такое. Много случаев жестокого обращения с детьми. Учитывая все проблемы, с которыми им приходится сталкиваться, неудивительно, что им трудно получить аттестат зрелости. Просто они чувствуют, что им не на что надеяться. Звучит странно, учитывая, что я учитель оттуда, но я бы никогда не отправил своих детей в Роузвуд.

Генри внезапно стало неудобно, и он подскочил к Мику, чтобы тот отвел его домой. Но Мик был слишком увлечен беседой, чтобы обратить на это внимание.

– Ну, это либеральная точка зрения, полагаю, – сказал он, и красные пятна выступили у него на шее, а запах злости пополз в воздухе. – Винить во всем общие «проблемы». Я сам скорее традиционалист, если помнишь. Эти проблемы не существовали, когда мы были молоды, насколько я знаю.

Я лишь думаю, что мы струсили, дали слабинку. Побоялись обращаться с детьми как с детьми. Учителя и полиция, и все вообще, просто не имеют власти что-либо сделать. — Генри подпрыгнул выше, облизав хозяину лицо. — Ладно, идем. Я отведу тебя домой.

Мик и Адам пристегнули наши поводки, оба одинаково пахли потом.

— Помни: будь сильным, — повторил Генри, продолжая тянуть хозяина домой.

— Да, Генри, я запомню.

уборка

Кейт, взяв неделю отпуска, на четвереньках драила один из кухонных буфетов. С тех пор, как она вернулась от бабушки Маргарет, она вымыла все комнаты, а теперь пошла по второму кругу.

– Этот дом такой грязный, – повторяла она мне.

Я следовал за ней по пятам, пытаюсь ее подбодрить или хотя бы предложить поддержку. Но как бы я ни вилял хвостом, запахи печали не улетучивались. Они висели в воздухе, смешиваясь с острым запахом моющего средства.

Время от времени Кейт останавливалась, садилась на корточки и подносила руку – ту, что не держала синюю тряпку – к лицу. Всякий раз я думал, что она расплачется, но нет. Вместо этого она глубоко вздыхала и продолжала уборку еще усердней, чем прежде.

Когда я услышал, как в двери повернулся ключ, мое сердце возрадовалось.

– Мама, что ты делаешь? – это был Хэл.

– Пытаюсь навести порядок. Дом такой грязный.

– Он выглядит чистым и опрятным, как никогда.

Вновь она села и подняла руку к лицу. На этот раз у нее потекли слезы.

– Я просто хочу... я хочу что-то делать... я просто...

Хэл положил школьный рюкзак на кухонный стол и мед-

ленно подошел к ней, взял за руку.

– Понимаю, мама. Понимаю. Все будет хорошо.

Чуть позже вернулся Адам. Он подошел к Кейт сзади и обвил руками ее талию.

– Ты пахнешь великолепно, – сказал он, прежде чем поцеловать ее в шею.

Кейт вздрогнула.

– Прошу, Адам, не надо. Не хочу, чтобы ты меня... трогал. Прошу.

табличка

На другое утро в парке Мик почти не разговаривал, предоставив Адаму не моргая смотреть на огромный новый дом и табличку, которая гласила: ПРОДАЕТСЯ.

Генри обнюхал меня, как всегда, чтобы узнать о моих успехах.

– Как дела после вчерашней встречи? – спросил он меня официальным тоном.

– Нормально, – ответил я.

– Ссор не было?

– Нет. Никаких ссор.

– Ты за всем следил?

– За всем, за чем мог.

– И никаких признаков беды?

Я подумал о Кейт, плачущей в кухне, и рассказал об этом.

– Ясно, – сказал он. – Ты должен уделить особое внимание сегодняшнему уроку. Мы уже изучали Контроль Вилянием, но сегодня займемся Контролем Усиленным Вилянием. – Генри встал передо мной перпендикулярно. – Я уже рассказывал тебе, когда вилять, а когда не надо, но мы не обсуждали, как быстро нужно вилять.

Я подумал о своих вчерашних попытках, когда я старался вилять хвостом, чтобы отогнать печаль Кейт. Возможно, поэтому у меня не получилось. Возможно, я выбрал неверную

скорость.

– Итак, мы уже обсуждали, что влияние хвостом фундаментально важно для сохранения благополучия семьи. В конце концов, Принц, это один из немногих аспектов нашей коммуникативной системы, которую способны распознать люди.

– Верно, – сказал я, готовый впитывать информацию.

– И хотя люди не всегда это понимают, скорость нашего влияния напрямую влияет на их счастье. Наши хвосты диктуют ритм Семейной жизни. – Его хвост начал медленно и гладко двигаться из стороны в сторону, постепенно набирая скорость.

Красная сеттериха с другой стороны парка повалилась на спину, хохоча над демонстрацией Генри.

– Мы машем медленно, – объяснил Генри, – и все успокаивается. Мы машем быстро, и все ускоряется. Быстрое влияние крайне полезно для поднятия настроения, но когда состояние Семейной гармонии достигнуто, умеренного влияния в сочетании с прогулкой как эта обычно достаточно для поддержания атмосферы общего счастья. Но помни, что ты должен, как всегда, хранить равновесие: не быть слишком назойливым и не быть совершенно незаметным...

Скоростное влияние? Разве не это я делал вчера безрезультатно? Разве не бывает случаев, когда влияние просто не помогает?

Но это я сейчас сомневаюсь, а тогда все было иначе.

Когда Генри показал во всех подробностях, как и когда использовать одиннадцать основных типов виляния, я не усомнился в нем ни на мгновение. Раз Генри сказал, что контроль вилянием был ключом к поддержанию Семейного счастья и безопасности, как я мог возражать? Семья будет счастлива, никуда не денется. И она будет счастлива, потому что я наконец-то это устрою.

Я следовал Пакту.

Я учился у Генри.

Я был лабрадором в полном смысле этого слова.

Я не мог помыслить, что этого недостаточно, что безопасность Семьи зависела от чего-то большего.

Только позднее я осознал, как много нужно сделать, чтобы защитить своих хозяев от внешней опасности.

И от них самих.

сопротивление

Никто точно не знает, где началось Восстание спрингеров. Точнее как... Ходили разные слухи, но это случилось слишком быстро, так что никто не был уверен. В мгновение ока спрингер-спаниели обнаружили почти в каждом парке страны, разнося весть.

Это было семь поколений назад, в собачьем 20687 году, когда стабильность людских Семей перестала восприниматься как должное, и собакам пришлось доказывать на практике, что они действительно верят в то, о чем говорят. Долг. Послушание. Жертвенность во имя хозяев.

И когда появились спрингеры, заявляя, что нормально вырывать поводки и нюхать ради удовольствия, большинство собак легко купились на это. В конце концов, многие уже начали разувериваться в людях, считая их безнадежными.

– Плохие псы винят своих хозяев, – таков был вердикт Генри. – Псы, которые верили в Вечную Награду, но устаивали ежедневно за нее бороться, неизбежно попадали под влияние спрингеров. В конце концов, выйти из игры лучше, чем потерпеть неудачу.

Конечно, люди не заметили Восстания, из-за чего влияние оказалось вдвойне разрушительным. Насколько они могли судить, собаки вели себя как обычно. Приносили палочки. Мочились на фонарные столбы. Обнюхивали других псов.

Только в этом уже не было порядка. И цели. Вместо того чтобы приносить палку, дабы порадовать хозяина, они радовали самих себя. Они уже не обращали внимания на состояние тех людей, за которыми должны были присматривать, уже не вмешивались, когда им следовало, а если и вмешивались, то случайно, а не по умыслу. Им, как и прежде, еще нравилось людское внимание, но скорее само по себе, а не в награду за их усилия.

Но, как я сказал, люди не заметили. Они приписывали разлад в Семье другим факторам. Распаду местного сообщества. Длинному рабочему дню. Растущей секуляризации западного мира. Плохой диете.

Они не видели реальной проблемы. Что собаки перестали о них заботиться. Они не понимали, насколько больше у них было шансов сохранить счастливую Семью, если они выбирали лабрадора. Они не понимали, что судьба человеческого общества лежала в лапах нашего вида. Конечно, были и другие собаки, которые еще хотели внести свой вклад, но те были редющим меньшинством. Большинство выбрали жить одним днем, а не ради своих хозяев.

И поэтому лабрадоры решили создать Пакт, ведь они опасались, что будущие поколения не останутся верными людям и тоже восстанут. Пакт закреплял принципы, которых когда-то придерживались все собаки: долг, послушание, защита – и делал упор на необходимости жертвовать земными удовольствиями ради обещания Вечной Награды.

В отличие от Восстания спрингеров, подробности Соппротивления лабрадоров хорошо известны.

Все началось в большом парке на севере Англии. Там было много лабрадоров – тысячи, говорят (хотя лично я всегда считал это преувеличением), и они собирались каждым утром возле утиноного пруда.

Оскар, бывший пес-поводырь, был их предводителем. Как у многих лабрадоров, у него не было Семьи, о которой он бы заботился. Он посвятил свою жизнь одиноким людям-хозяевам, следуя тем же принципам. Семья, однако, стала центром философии Гуру Оскара. Она почиталась как самая прекрасная, хоть и хрупкая, сторона человеческого существования, а также как самая благодатная среда для собаки.

Разувериться в людях – значит разувериться в нас самих. Такова была основная мысль.

Гуру Оскар сидел каждое утро и излагал Пакт, который он сочинил, игнорируя перебивающих его спрингеров и других сомневающихся.

Все лабрадоры с Семьями, за которыми нужно было присматривать, последовали его совету неукоснительно и передавали знание о Пакте своим потомкам и каждому лабрадору, которого доводилось встретить.

Через два собачьих года большинство лабрадоров в стране согласились оставаться верными, что бы ни случилось, и продолжили посвящать всю свою жизнь счастью и безопасности своих людей-хозяев.

Так все и было. В каждом парке, на каждом углу в этой стране старики учили молодых правилам Пакта.

До этих самых пор.

Я должен признать правду. К худу или к добру, но я все изменил. Лабрадорам придется узнать подлинный ужас того, что это значит – поддерживать безопасность Семьи.

график

Первое, что понимают лабрадоры о человеческих Семьях – они зависят от повторений. Чтобы семья могла выжить, нужно установить и поддерживать суточный график.

Главный элемент этого графика – двухразовая прогулка в парке с Адамом. Каждый день мы выходили в одно и то же время и делали одно и то же.

Утром он сидел на скамейке и болтал с Миком. Вечером он бросал мне палки, а я приносил.

Но теперь график начал меняться. Тем утром Адам едва перекинулся парой слов с Миком, а вечером, когда мы пришли в парк, я заметил, что он не настроен играть. Я подошел к нему с палкой в зубах, но он даже не вынул рук из карманов. Это было очень странно. Как я уже говорил, обычно ему очень нравилось бросать палку как можно дальше и выше.

Вместо этого он стоял как вкопанный и все время смотрел на новый дом возле парка. Если честно, это не было *совершенно* новым поведением. С тех пор как строители начали трудиться над домом, примерно год назад, восхищение Адама росло. Сначала это был лишь случайный взгляд, легкое любопытство между бросками палки. Теперь, однако, это казалось одержимостью.

Пока я пытался вести себя как ни в чем не бывало, труся как обычно между цветочных клумб, я следил за ним, пыта-

ясь угадать, о чем он думает. Потом стало понятно. Свет зажегся в одном из окон, и тень промелькнула за занавеской. Туда кто-то вселился.

Сделав круг по парку, я медленно вернулся туда, где стоял Адам. Я тяжело дышал, чтобы привлечь его внимание, но только когда я мягко уткнулся носом ему в пах, он выскользнул из транса.

– Нет, малыш, прекрати, – сказал он и пристегнул поводок.

африка

Хэл и Шарлотта были в своих спальнях, когда мы вернулись домой. Кейт внизу смотрела новости.

– Мы пропустили передачу, – сказала она, собирая собачью шерсть с дивана. – Помнишь, ту, что хотели посмотреть.

– Да, – откликнулся Адам. – Какую передачу? – Он стоял перед ней, возле телевизора, и хотя Кейт не заметила, вновь погрузился в легкий транс.

– О той женщине, помнишь, что основала больницу в Африке.

– О, да, верно. – Он потер шею, уставившись в какую-то неопределенную точку на диване. А потом внезапно заявил:

– Его продали.

– Не поняла?

– Дом возле парка. Его продали.

Теперь только диктор в телевизоре оставался безразличен к поведению Адама.

– Так, – сказала Кейт, мягко кивнув, словно с этим жестом она поймет отсутствующий переход в разговоре.

– Он был выставлен на продажу всего месяц назад, а там уже кто-то есть. *Живет* в нем.

– Так.

– Но это невероятно.

– Дорогой, с тобой все хорошо?

Он не слушал.

– Я видел кого-то в окне наверху. Они въехали сегодня, этим утром.

– Так бывает. Люди покупают дома. Въезжают. Это не новость.

– Да, но *этот* дом. Ты его видела? Это самое уродливое строение на свете. В нем двойной гараж, боже правый.

– Что ж, – вздохнула она. – Хорошо, что не мы туда въехали, верно?

Он вышел из комнаты, по пути снимая пальто. И продолжил:

– Но серьезно, ты бы когда-нибудь захотела туда переехать?

– Адам, почему тебя так беспокоят эти громадные дома? Зависть тебя до добра не доведет.

Он засмеялся.

– Зависть! Кейт, перестань. Ты правда хотела бы переехать в такой дом?

– Мы бы не смогли себе это позволить.

Адам, без пальто, вернулся в комнату, неся с собой запахи зависти.

– Гипотетически, если бы у нас были деньги, если бы у тебя были все деньги мира, ты бы задумалась, хоть на секунду, о том, чтобы войти в дверь этого уродливого, бездушного подобия дома?

– Нет, – вздохнула она, явно надеясь, что это самый быст-

рый выход из разговора, и она сможет услышать окончание новостей.

Мой хвост пытался урегулировать ситуацию. К моему удовлетворению, утренний урок Генри сработал. Атмосфера тут же наладилась.

– Вот так, малыш, – Адам погладил меня по голове, очевидно заметив мои усилия. А потом обратился к Кейт:

– Я правда хотел посмотреть эту передачу.

– Да, – сказала она, и мягкая улыбка коснулась уголков ее губ. – Я тоже.

Адам уселся на диван рядом с ней, и я ощутил мягкий свет сцены, которую я помог создать. Опять-таки, это было нарушение графика, но я не мог не почувствовать, что оно было к лучшему. Адам и Кейт, вместе на софе, смотрят прогноз погоды. Уставшие – да, но пахнущие тихим довольством.

туфли

Позже Кейт подтягивала свое лицо перед зеркалом в спальне. Она всегда так делала. Когда была одна. При свете лампы она касалась кончиками пальцев своего безвольного лица и растягивала кожу насколько возможно, так, что у нее глаза исчезали. Затем ее руки кружили у висков, чтобы скрыть морщины на лбу.

Она обернулась, заметив меня.

– Принц, как давно ты здесь?

Я вильнул в ответ и попытался выглядеть нежным. Кейт улыбнулась мне, она была уставшей, но улыбнулась. И улыбка была прекрасна, естественна, только для меня. Никто никогда не получал такой улыбки, даже Адам. Почти все улыбки в ее арсенале были фальшивыми, масками, но эта была настоящей.

Видите ли, у нас с Кейт особые отношения.

Она доверяла мне все свои тайны. Все, что она хранила в себе, прятала от представителей своего вида. Ну, не *все*.

Кейт отошла от зеркала, чтобы зашторить занавески, а затем сняла обувь. Вопреки заведенному порядку, она оставила обувь на зеленом ковре и села на краешек кровати. Туфли упали на таком расстоянии друг от друга, будто бы настоящая Кейт смотрела на невидимую, молодую, более гибкую версию себя, которая садится на шпагат.

Улыбка стерлась с ее лица, когда она сидела на постели и слушала. Слушала, как Адам говорит с Шарлоттой в ее спальне, объясняет, почему ей нельзя пойти слушать «Бешеных псов войны», его голос становился громче и громче, а дыхание короче. Спор закончился тем, что Шарлотта забила руками по постели. Адам вернулся к Кейт.

– Шарлотта, – вздохнул он. – Просто невыносима.

– Она подросток, подростки всегда невыносимы. Нам пора уже привыкнуть.

– Хэл. *Неужели* он был таким? – Голос Адама звучал тихо, хотя Хэл сидел в своей спальне в наушниках.

– Ну, он ведь не был идеальным? И как бы то ни было, с младшими всегда больше хлопот. Второй ребенок невыносимей первого, это известный факт.

Адам присел на корточки и начал гладить меня по голове.

– Что думаешь, Принц? Не можешь дать нам пару советов по воспитанию? – спросил он.

Но как обычно они меня не послушали. Вообще-то, они бы смогли меня понять, только если бы я вышел вперед и произнес речь. Адам пустым взглядом вперился в мои глаза, а потом повернулся к Кейт.

– Лучше отведу его вниз.

ПАКТ ЛАБРАДОРОВ:

Предсказание равносильно защите

Чтобы знать будущее Семьи, вы должны знать настоящее.

Всегда наблюдайте за всем, что происходит вокруг. Важны каждое действие, каждое слово, каждый запах. Обращайтесь к своему пониманию, своему личному чувству вероятного, и действуйте в соответствии с ним. Когда люди заметят нашу способность предсказывать, они будут говорить о силах предвидения, о шестом чувстве.

Нам повезло, что они столь невежественны.

Однако мы не должны расслабляться. Если мы хотим защитить Семью, то должны постараться, чтобы наши мотивы оставались скрытыми, а наши действия – незаметными. Это важно не только для каждой индивидуальной миссии, но и для всего дела лабрадоров.

Пусть ваши чувства ведут вас, и вы обнаружите, что будущее у вас под носом.

слюна

– Долг превыше всего.

– Долг превыше всего.

Хотя я говорил с Генри каждое утро, мы никогда не пренебрегали формальностями. Пакт лабрадоров и мелкие ритуалы, связанные с ним, были для Генри всем.

– Забудь о мелочах и не сможешь контролировать серьезные дела, – так он обычно говорил. И тем утром в парке, пожалуй, впервые мелочи и серьезные дела начали сходиться – хотя тогда я этого еще не понимал.

Все началось довольно внезапно. Адам и Мик шли к скамейке, чтобы как всегда поболтать, а мы с Генри направились в дальний угол парка, позади больших дубов, чтобы я получил свой утренний урок. Я не знаю, почему мне всегда требовалось обучаться вдали от Адама, но Генри на этом настаивал. «Это помогает сохранять тайну нашей миссии». Так-то вот.

– Как у вас дела? – спросил Генри.

– Хорошо, – ответил я. – Похоже, в семье все идет на лад.

Я рассказал ему о том, как успешно использовал влияние прошлым вечером.

Генри взглянул на меня и мягко кивнул. В качестве исключительной нежности он лизнул меня в щеку.

– Ты славно потрудился, Принц. Я горжусь тобой.

У меня голова закружилась от гордости, а в голове зазвучала музыка парка.

– Ты хороший учитель, вот и все.

– Нет-нет, Принц. Не скромничай. Счастливое людское Семейство нельзя принимать как должное. Счастье, как ты хорошо знаешь, не приходит случайно. Только те лабрадоры, что посвящают себя делу, могут достичь гармонии. – Он взглянул на своего хозяина на скамейке, Мика, который был занят беседой с Адамом.

– Итак, сегодняшний урок посвящен Чувственной Предсказывающей Осведомленности, – заявил он, повернувшись ко мне. Конечно, поскольку Генри раньше был нюхачом, это был его любимый предмет, и он был в нем превосходен. Он утверждал, что можно не просто учуять беду, но учуять *заранее*.

– Предсказание равносильно защите, проще некуда, – сообщил он, пока мы нюхали землю возле дубов. – Если сможешь учуять беду прежде, чем она случится, ты всегда сможешь защитить Семью. Проблема в том, что чем дальше беды от нас, тем труднее их учуять, а если мы оставим все на последнюю минуту, окажется слишком поздно. Но главное помнить, что будущее уже содержится в настоящем. Если ты можешь чують не только то, что происходит сейчас, но и понимать, что это означает, ты сможешь раскрывать будущие возможности.

Чуя мое замешательство, он попытался пояснить.

– В каждой комнате в доме твоей Семьи тысячи запахов будут привлекать твое внимание. Будут запахи прошлого, настоящего и будущего. Возьмем, к примеру, запах человека. Когда он уходит из комнаты, запах остается. Ты чувствуешь прошлое. Если он все еще с тобой в комнате, это запах настоящего. Но разве нельзя учуять человека прежде, чем он войдет в комнату? Конечно, можно. И мы чуем будущее каждый день, даже не сознавая этого. Вокруг нас полно подсказок, как все закончится. Обоняние – в нем весь секрет. Если не развить в себе это самое важное чувство, будущее останется полной загадкой. Поэтому людям не удастся предсказывать, как они ни пытаются. Они слишком полагаются на зрение – пытаются *разглядеть* будущее в звездах или ладонях. Поэтому мы должны присматривать за ними, чтобы защитить их от грядущих опасностей. Ключ к этому... – Генри остановился и понюхал воздух. Сначала я подумал, ради драматизма. Но нет. Я тоже это учуял. Я посмотрел вдаль и увидел, что как по заказу пришла беда. Самый страшный, потный, слюнявый ротвейлер, что я видел или нюхал в своей жизни, пялился прямо на меня.

– Какого хуя ты смотришь? – прорычал он.

– Я не смотрю. Простите. Я просто... – я испуганно искал запах Адама. Он был далеко.

– Все хорошо, Принц, – сказал Генри, выйдя вперед. А затем ротвейлеру:

– Мы с другом занимаемся своим делом. Мы не хотим

проблем.

– Отьебись, блядский хуй. Парк принадлежит мне. Ты что, блядь, не чуешь? Это, блядь, мое царство, и я не хочу делить его с двумя хуевыми пидорами-лабрадорами. Теперь съебите отсюда, или я перегрызу ваши хуевы глотки.

Это, как я чувствовал, был хороший момент, чтобы удалиться. У Генри, однако, были свои представления.

– Ты кто такой? – спросил он.

– Что?

– Мне интересно, кто ты? Как тебя зовут?

– Я Лир. Хотя это не ваше блядское дело.

– Если ты говоришь, что это твой парк, друг мой, это наше дело.

Белые капли слюны падали с широкой челюсти Лира.

– Э, Генри, – сказал я. – Может, мы пойдем куда-нибудь.

Но Генри было не запугать.

– Почему все в итоге сводится к территории? – спросил Генри, вопросительно нюхнув. – Почему это так важно для тебя? Чего ты боишься?

– Боюсь? – сказал Лир. – Боюсь? Отьебись. Хуй тебе, я ничего не боюсь, ёб твою мать.

– Прошу, не соизволишь ли ты следить за речью? – Продолжил Генри. – Мы лабрадоры.

– Мне насрать, будь вы хоть блядским призраком Лесси, честно говоря, ёб твою мать. – Лир приблизился к Генри, увеличиваясь в размерах.

– А почему ты чувствуешь, что тебе нужно вести себя так агрессивно? Разве ты не должен посвящать время заботе о хозяине, не беспокоясь о других собаках в парке? – Генри уже явно испытывал удачу. Зловещий рык исходил откуда-то из глубины массивного корпуса Лира. Я отступил на пару шагов назад и начал нюхать почти лишенный запаха островок травы. Утренний ветерок доносил до нас далекие голоса Адама и Мика, которые, очевидно, еще не замечали нашей проблемы.

– Ты, нахуй, не понимаешь?

– Нет, не понимаю. Поэтому и спросил.

Я ощутил, что Лир отвернулся от Генри и теперь смотрел на меня. Возможно, я был более аппетитным завтраком.

– В смысле, – сказал он. – Взгляните на себя. До какого блядского уныния дошел этот вид?..

Я посмотрел на Генри в недоумении.

– Взгляните на себя: ебать, вы бессильны хоть что-то сделать. Думаете, можете изменить все взмахом хвоста или сентиментальным взглядом? Не смешите меня, ублюдки. Я вам скажу, жизнь ебать как сложна. Там псы едят псов. Ты либо добыча, либо хищник, как ни крути. Людям тоже насрать. Вообще-то, это они забирают наши силы. Они хотят надеть намордники на тех, у кого осталась гордость. Но, видите ли, мой хозяин другой... – Он оглянулся на своего владельца, бледного мужчину с бородой, стоящего в нескольких шагах позади. – Он никогда не наденет на меня намордник, потому

что понимает...

– Лир, – крикнул хозяин, вразвалку подходя к нам. – Фу. Ротвейлер рыкнул на прощание и послушно потрусил к хозяину.

– Чуть не попались, – сказал я, вернувшись к Генри.

– Вообще-то нет, – понюхал воздух Генри, – у этой беседы есть мораль. Не *наша* мораль, конечно, но все же мораль. Похоже, его не затронули спрингеры. И он не такой уж психопат, каким хочет казаться.

– Сомневаюсь, – это был не мой голос. Он принадлежал Джойс, ирландской борзой, с которой мы часто болтали в парке. Она появилась из кустов слева. – Я видела его, парни. Он форменный идиот, вот он кто.

Она стояла перед нами, вся в листве и земле. Хотя ее шерсть была спутанней, чем обычно, она все еще была необычайно красива. Мы уважали Джойс и ценили ее рассуждения. Она знала о парке то, что нам никогда было не узнать самим, многие тайны. И в отличие от других бездомных, которых мы часто встречали, она никогда не пыталась нас пристыдить или принизить наши заботы о Семье.

– В смысле? – спросил я.

– Что ж, я скажу. Я скажу, как на прошлой неделе он грозился убить маленького йоркширского терьера. Терьера, песик правый. Меньше его в сто раз. Он мог заглотить его целиком. Чем грозила эта мелочь такому зверю, парни? Скажите. Бедного терьерешку *затерроризировали*, простите за калам-

бур. Да, затерроризировали.

– Так что случилось? – уточнил я, бездумно писая на землю, еще пахшую ротвейлером.

– Ничего. Но только потому, что хозяин ротвейлера велел ему отойти. Говорю вам, если в парке произойдет нападение, вы знаете, куда смотреть...

– Генри!

– Принц!

К нам шли хозяева. Генри, казалось, хотел, чтобы Джойс закончила фразу. Но вместо этого она сказала:

– Я пойду, парни. Увидимся. – И исчезла в завесе кустов, как всегда, когда приближались люди.

– Мы продолжим урок завтра, – сказал Генри, ничуть не задетый всей этой перепалкой с ротвейлером.

– Ладно, – ответил я, когда Адам взял меня за ошейник. – Увидимся.

И по дороге домой я уже думал о следующем уроке. Я вдыхал утренний воздух: выхлопы машин, запахи бумаги, в которую заворачивают картошку-фри, кошачьего дерьма – и пытался осмыслить их. Я вдыхал глубже. Я мог различить Генри, Лира, Джойс – их запахи были еще уловимы в утреннем воздухе. Когда мы завернули за последний угол, я все еще чуял другие парковые запахи. Они остались со мной, крепкие, как никогда. Мерзкие, вонючие. Беличья кровь, человеческая рвота и еще какой-то запах. Влажный и тяжелый. Что-то, что я не мог разобрать. И все же мне казалось, что

этот непонятный запах и есть ключ.

Эта мысль оставалась со мной весь день.

Если бы я смог понять, я бы смог предсказать будущее.

Я бы смог предотвратить плохие события.

Я бы смог защитить Семью.

ПАКТ ЛАБРАДОРОВ:

Сопровивляйтесь спрингерам

Спрингер-спаниели – угроза нашей миссии. Они больше не считают себя хранителями человеческого Семейства, они показали, что готовы сидеть и смотреть, как оно рушится. Более того, крамольная пропаганда, которая поддерживала Восстание спрингеров, теперь влияет и на другие породы.

В частности, вот ключевые аспекты поведения спрингеров, которым следует сопротивляться любой ценой:

- выдираание поводков**
- игнорирование сигналов опасности**
- злоупотребление добротой и щедростью наших людей-хозяев**
- неспособность овладеть собачьим даром тайной дипломатии**

Лабрадорам рекомендуется избегать любого контакта с этой породой гедонистов и дебоширов. Если приближается спрингер, отвернитесь

от него. Если почуете его запах, пометьте это место сверху.

Лабрадоры никогда не будут терпеть безрассудный спрингеризм.

Мы никогда не ослабнем.

Наш долг восторжествует.

ВЗДОХ

Адам вздохнул, и вздох длился так долго, что он почти перенес все, что стояло на кухонном столе, в посудомоечную машину, пока выдыхал.

Во время вздоха Шарлотта со скрипом отодвинула свой стул, встала и вышла из комнаты, попутно печатая в телефоне.

Стол был чист, Адам затянул галстук и посмотрел на меня, спрашивая:

– Что мы сделали, чтобы заслужить это?

Он покормил меня. Моя миска тушенки и печенья.

Собачий обед.

Собачий завтрак.

Я с жадностью его проглотил.

Снова утренние звуки наверху: шаги, которые соревнуются друг с другом. В доме становилось все громче, как в те утра, когда Кейт пошла на работу в сувенирную лавку, когда она присоединилась к остальным членам Семьи, что готовятся к трудовому дню. Шум достиг оглушительного апогея, когда все, друг за другом, вытанцевали вниз и захлопнули за собой входную дверь.

Хлоп. Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Последний хлопок – и дом как никогда тих. Я вернулся в свою корзинку, устроился, вылизал лапы, и тишина словно

говорила со мной. Была ли это собачья интуиция или бред, я не знал. Но казалось, она говорит мне, что этот ритуал, ритуал, который наскучил мне, но в тоже время был в сладость, не выживет. Внезапно вся комната оказалась наполнена тайнами, скрывающими высшее знание в каждом предмете. И это чувство оставалось со мной какое-то время, пока я не решил лаять весь остаток дня. Чтобы заткнуть эту тишину и непрошенные предвестия.

ВОНЮЧАЯ КУЧА

В тот вечер Адам все еще был не в настроении бросать палки, сколько бы я ни кидал их ему под ноги. Вместо этого он уселся на пустую парковую скамейку.

Я держался рядом, обнюхивая влажные клумбы. Он смотрел на большой новый дом, окна которого горели оранжевым в темноте. Но вдруг он вздрогнул. Дверь закрылась.

Кто-то шел к нам.

Я встрепнулся, замер и смотрел, как собака вышла с торца дома, ведя женщину к калитке, которая отделяла их сад от парка. Когда калитка закрылась за ними, женщина отстегнула собаку. Та, не заметив меня, помчалась к дубам и вонючей куче за ними. Меня больше интересовала женщина, которая медленно, но настойчиво шла к скамейке.

Адам, я видел, отчаянно пытался выглядеть расслабленным. Он откинулся на спинку. Затем наклонился вперед. И снова назад – оперся локтем о спинку скамейки.

Не помню, о чем я думал, когда трусил к ним. Определенно я не подозревал, что это ключевой момент, начало моей подлинной миссии и битвы, которой она требовала.

Лежа перед ними, я мог бы вобрать в себя все. Мог бы вобрать всю *ее*. Именно запах меня поразил. Это был не ее естественный запах, конечно, странная смесь духов и чего-то еще. Чего-то столь сильного, что меня слегка затошнило.

Но Адам не заметил. Он заметил лишь то, как она выглядела. Я знал это уже тогда. Итак, как же она выглядела? По человеческим стандартам, полагаю, она была привлекательной. Длинные волосы, золотые, как у Генри. Большие, щенячьи глаза. Ее кожа была упругой и светилась здоровьем. Она была моложе его в два раза.

Я уселся у скамейки рядом с ним. Не потому, что особенно беспокоился. Нет. Просто следует быть осторожным – разве нет? – чтобы не нарушить Пакт. Но дело в том, что в тот же миг, когда я решил остаться с Адамом и женщиной, я понял, что совершил ошибку. Я понял, что вместо того чтобы защищать его от любой угрозы разговора, я дал ей предлог наклониться, погладить меня по шее и сказать:

– Ух ты! Какая милая собачка! Как ее зовут?

– Да-да. Это, это не она, – Адам замолк, будто считая в уме. – Вообще-то, это он. Ну, наполовину он. Если бы у него...

Он закончил фразу, изобразив ножницы, кусающие воздух.

Женщина рассмеялась:

– Ах, бедный, бедный...

– Принц, его зовут Принц.

Я пытался не поощрять дальнейшую беседу и сосредоточился на псе женщины, который из-за клумбы следил за белкой. А потом я понял. Я опознал запах. Это был не просто какой-то старый пес. Это был спрингер. *Спрингер*. Это было

очень плохо. Он должен был уйти, я должен был что-то сделать. Я начал лаять на Адама и женщину, но они не обращали внимания. Их беседа продолжалась.

– Я Эмили.

Я обернулся и увидел, что он пожимает ей руку.

– Я, хм, Адам. Адам Хантер.

Спрингер Эмили, который время от времени поглядывал на меня, обнюхивая новую территорию, подбежал ко мне.

– Э-гей, лабрадор! – Я старался не замечать его, пока он нюхает землю вокруг меня.

– Брось, – сказал он. – Расслабься. Я не кусаюсь.

– Извините, – ответил я. – Вы спрингер. Я не могу с вами разговаривать.

– Ах да, Пакт лабрадоров, конечно. Что ж, можешь успокоиться, я лишь наполовину такой.

– Не понял?

– Я только наполовину спрингер.

– А на другую половину?

– Полная мешанина – собачий коктейль. Видишь ли, мне, старику, все подходит.

– Неужели.

– Слушай, нравится тебе или нет, мы будем видеться очень часто, так что нам лучше поладить, – заявил он. – В конце концов, думаю, мы можем стать добрыми друзьями.

– Серьезно? – спросил я, пытаюсь выразить сомнение.

– Да, серьезно, – ответил он, когда Эмили пристегнула его

поводок. – И ты многому можешь у меня научиться, буйнохвост. Очень многому.

– Ну конечно, – не поверил я. – Например?

Он взглянул на Эмили и, понимая, что она не обращает на него внимания, наклонил голову, дернул поводок и вернулся из ошейника.

– Например *такому*, – заявил он, убегая прочь.

Эмили извинилась перед Адамом и пошла за своим непослушным псом:

– Фальстаф! Вернись! Фальстаф! – Мы смотрели, как они бегут по парку: Эмили пыталась обмануть Фальстафа, срезав угол между двумя клумбами. Он умудрился перехитрить ее и направился к нам: его язык свисал сбоку, а глаза триумфально сверкали.

– Э-ге-гей!

Адам бросил мой поводок, наклонился и схватил спрингера за шкуру.

– Поймал.

Эмили вернулась к нам, держа руку на бедре, и улыбнулась Адаму. Улыбка благодарности, но не только.

– Ух ты, а вы быстрый, – сказала она, глядя на него пристально. По какой-то причине это утверждение, а возможно, тон, которым оно было сказано, лишило Адама дара речи. Он пожал плечами.

– Рыбы. Уверена, вы Рыбы.

– Хм, нет. Близнецы, вообще-то. Не то чтобы я... – он

замолк, улыбнулся. — Не важно, думаю, мне пора.

— Видишь, — сказал Фальстаф, когда Эмили вновь надела на него ошейник с поводком. — Много трюков, буйнохвост. Много.

Эмили вновь рассмеялась, и на этот раз было понятно, что она флиртует.

— Увидимся завтра, в то же время.

— Увидимся, — откликнулся Адам, все еще замороженный. — В то же время.

Он стоял как вкопанный со мной рядом, глядя, как она плыла к калитке. Она знала, что он смотрит, я уверен, иначе с чего бы она помедлила, обернулась и пробежалась свободной рукой по золотым волосам. Но и это еще не все. Она делала это намеренно, потому что хотела дать знать Адаму: она чувствует, что он еще здесь, наблюдает, и ей нравится его внимание. Но какими бы ни были ее намерения, то мгновение сильно подействовало на Адама, который, в отличие от Эмили, вовсе этим не наслаждался. Он сглотнул, будто пытаясь избавиться от вкуса чего-то неприятного, что он попробовал. Я все еще чуял его тревогу. Вспомнив о долге, я поднялся и начал тянуть поводок.

— Хорошо, малыш, хорошо. Я отведу тебя домой.

хорликс²

Позже тем вечером Адам был особенно молчалив. Пока голоса остальных членов семьи состязались с шумом телевизора внизу, Адам тревожно исследовал свое лицо в зеркале ванной комнаты. Я удивленно смотрел, как он тщательно изучал свой профиль с обеих сторон.

Это было крайне необычное поведение.

Видите ли, вплоть до этого дня Адам относился к своей внешности с почти собачьей практичностью. В отличие от сына, который мог порой беседовать со своим отражением часами, Адам глядел в зеркало только по делу. Побриться, поправить галстук или, если попросит Кейт, расчесать волосы. Но не больше.

И вот он стоял, рассматривая себя в подробностях, изумляясь каждому открытию. А открытий было много. Больше всего огорчения, казалось, вызывали его волосы, которые начали сесть на висках.

– О боже, – пробормотал он. – Когда это случилось?

Но это было не все. Волосы в носу, морщины на лбу и в уголках глаз, щеки в пятнах, обвисшая шея и прочий непоправимый ущерб. В отчаянии он расстегнул рубашку.

– Ну же, – сказал он, будто надеялся на что-то хорошее. –

² Horlicks (англ. – путаница, неразбериха) – торговая марка сладкого солодового горячего напитка.

Ну же.

Дойдя до последней пуговицы, он издал звук – короткий, но явный стон отчаяния.

Его розовое, безволосое тело ничего не могло скрыть. Как бы он ни пытался напрячь торс, его взору представляла горькая правда. Его время очевидно закончилось. Вновь я подумал о глубокой людской печали. Об их неспособности понять собственную природу, нежелании стариться, их сосредоточенности на одном чувстве во вред другим.

Я был так озабочен отчаянием Адама, что не заметил шагов Шарлотты, когда она поднималась по лестнице. И ощутил ее, только когда она уже стояла позади меня, наблюдая отца в полный рост, без рубашки, напрягшего мускулы. При виде этой пугающей картины ее первым порывом было, как это часто случается, позвать маму.

– Мама!.. Мама! Папа странно ведет себя в ванной.

Адам, внезапно заметив зрителей, быстро захлопнул дверь.

– Я, хм, ненадолго, Шарлотта.

Мгновение спустя слышался смыв унитаза, и он вновь появился, неловко улыбаясь, в наглухо застегнутой рубашке.

– Ванная в твоём распоряжении.

Шарлотта фыркнула в ответ и скорчила рожицу, когда он пытался дружески похлопать ее по плечу. Дверь ванной уже закрылась, Шарлотта исчезла за ней, когда Кейт появилась на верхней площадке лестницы.

- Любимый, все... *хорошо?*
- Да.
- Ты пропустил новости.
- О.
- Я делаю «Хорликс», хочешь?
- Нет-нет, не нужно. Я не хочу.

спасители

Лежа той ночью в своей корзинке, я вспоминал, как все начиналось.

В тот день, когда они выбрали меня, когда решили стать спасителями, в собачьем приюте среди лая и хаоса я был не единственным, кто пытался произвести впечатление. Не я один желал помощи. Я должен был унюхать это с самого начала. Я должен был понять.

Семья.

Идеальная Семья.

Муж, жена. Сестра, брат. Лучатся улыбками, излучают любовь. Все это ложь. Я был обманут, как и они обманулись во мне. Но, оглядываясь назад, я вижу, что Адам чуть не прокололся. То, как он обнимал Кейт. Неловко, неестественно. Паника в его глазах, когда он посмотрел прямо на меня, а потом на переноску. Кейт, казалось, тоже было неуютно, теперь я правда так думаю. Улыбка на ее лице задействовала слишком много мышц, чтобы случиться самой по себе. Уже тогда, должно быть, между ними была напряженность, между Адамом и Кейт. Она несла на себе его руку как колючий ошейник.

Но все вместе, четверо, когда я не знал их истории, выглядели многообещающе, до отвала хвоста. Влажная мечта лабратора. В детских лицах читались миллионы будущих при-

ключений с бегом и погоней. Конечно, запах неловкости, который исходил от Адама и Кейт, был замаскирован сладким запахом детского энтузиазма.

Так что вместо того чтобы задумчиво лизать яйца, как когда приходили другие нелепые выбирающие, я постарался. Идеальный пес для идеальной Семьи. Я хотел, чтобы они меня взяли. Я хотел, чтобы они заметили, что я был недостающим фрагментом их Семейной мозаики. Я был их компаньоном у камина, о котором они всегда мечтали.

Но как я уже сказал, это было не одностороннее прослушивание. Они нуждались во мне так же, как и я в них. У них тоже было сильное желание стереть, переписать, начать заново. Выбраться из собачьего приюта. И я был ключом. Возможно, я преувеличиваю, хотя сомневаюсь, учитывая то, что мне известно. Я был тем, чем была Шарлотта годами ранее. Их последним шансом. *Самым* последним.

– О, *взгляните* на него.

– О, дети, *смотрите*.

– Правда, он милый?

Заново проигрывая в голове эту сцену, я вижу, как все было в действительности. Хантеры: четыре великана, заслонявшие головы друг друга, на фоне проволочной решетки. Неловкие улыбки, возможно, молили о помощи. Я стал спасителем, вот в чем суть. Пусть я был всего лишь подростком, но я выбрал спасти их в той же мере, в какой они выбрали спасти меня. Мы спасали друг друга. Только делали

мы это под ложными предложениями.

Когда дверца открылась, когда я подпрыгнул и начал лизать их лица, когда они обняли меня, я ощутил облегчение, но не понял, что они тоже его ощутили. Они получили еще один шанс на свободу. Еще один шанс быть счастливой Семейей.

Но еще до того, как первые слюнявые собачьи поцелуи обсохли, уже по дороге из собачьего приюта, они, должно быть, почувствовали, что их шанс начал угасать. Должно быть, они поняли, что он остался позади, где-то в пустой железной клетке.

МИССИ

Бабушка Маргарет не была внешней опасностью, но легче с ней не становилось. В этом не было сомнения.

С тех пор, как она прибыла с хозяйственными сумками и тысячей запахов, вся атмосфера в доме поменялась. Думаю, так было в основном потому, что она принесла с собой память о дедушке Билле. А память о нем оказалась гораздо более опасной силой, чем был этот хрупкий старичок. Каждый прием пищи, каждая телепрограмма, каждая фраза, вылетающая изо рта любого члена семьи, разжигала искру воспоминания. И, схожим образом, каждая улыбка или смешок считались признаком неуважения.

В вечер прибытия она присоединилась к Хэлу в комнате с телевизором, где он смотрел свою любимую передачу. Она постепенно начала обозначать свое присутствие, производя серию долгих и намеренно тяжелых вздохов. Хэл пытался ее игнорировать и преуспел. До тех пор, пока вздохи не стали перемежаться серией тщательно рассчитанных по времени и очевидно неодобрительных возгласов.

– Бабуля, с тобой все хорошо?

Она ответила тихим, недоуменным вздохом. Хэл отвернулся к телевизору. Затем, мгновение спустя, она спросила:

– По-твоему, это музыка?

Теперь пришел черед вздыхать Хэлу.

– Это *музыка*.

Еще один недоуменный вздох.

– Не похоже на то. Просто кричат.

– Это не крик, это рэп. Это называется хип-хоп. Это самое важное направление популярной музыки за последние тридцать лет.

На этот раз недоуменный вздох сопровождался недоуменным покачиванием головы:

– И ты правда можешь понять хоть слово из того, что он говорит?

– Она.

– Извини?

– Это женщина.

– Женщина? – она даже *пахла* сейчас недоумением.

– Да. Мисси Эллиот.

– Миссис Эллиот?

– Нет, Мисси. Мисси Эллиот. Она самая успешная рэперша в мире.

– Знавала я миссис Эллиот.

– Мисси.

– Но она так не одевалась.

– Боже.

– И она не была цветной.

После такого заявления большой палец Хэла резко оторвался от нижней губы.

– Нет, и она любила подобающие песни. Джона Денвера,

и вроде того. Или это её муж любил? Да, верно. Он работал с Биллом на пивоварне. Только он занимался управлением. Но твой дедушка всегда хорошо с ним ладил, смеялся над теми же шутками, что и ты...

Хэл отвернулся от телевизора и его губы расплылись в невольной, сочувственной улыбке. Он погладил меня по голове.

А потом, вспомнив что-то невыразимое, бабушка Маргарет начала плакать.

– Извини, – сказала она наконец. – Я мешаю тебе смотреть передачу.

– Ничего, бабуля. Все хорошо. Я принесу тебе платочки.

И он сходил за платочками, и погладил ее по плечу, когда вернулся. Это был любящий, хоть и неловкий жест.

– Ты славный мальчик, – сказала она, мягко промокая щеку. – Такой славный. Билл всегда так гордился тобой.

отрубить

Именно Адаму труднее всего давалось это новое положение дел. Видите ли, хотя он не мог этого сказать, но ему никогда не хотелось, чтобы бабушка Маргарет приехала к нам жить.

Однажды он предположил, когда дедушка Билл еще был жив, что им будет комфортнее в Доме престарелых. Я не знаю, что такое Дом престарелых, но если это похоже на Собачий приют, то понимаю, почему Кейт возразила. Бабушка Маргарет никогда бы не поместилась в клетку.

Но как бы то ни было, Адам был недоволен с самого начала. Дело было не в том, как она пахла – никто этого будто бы не замечал. И даже не в том, что она постоянно выискивала спонтанные всплески счастья, готовая переплавить их в вину. Было что-то еще. Что-то в ее присутствии в углу комнаты, что так глубоко раздражало Адама. Всякий раз как она выражала свои Спорные Суждения, Адам закатывал глаза и говорил что-то в духе: «Времена изменились», или «Не стоит верить всему, что пишут в газетах», или даже, в крайних случаях: «Маргарет, нельзя *говорить* такое». Но она могла, и продолжала говорить, хотя ее всегда прерывали на полуслове. В конце концов, она горевала.

– Думаю, мы слишком далеко зашли с этой мультикультурной, как ее...

– Билл считал, что этих магазинных воришек можно оставить, только если отрубить им руки...

– Как говорил Энох Пауэлл³...

– Гейские свадьбы, а что потом...

– Говорю тебе, Адам, эти нелегальные иммигранты...

И неизбежно Спорные Суждения бабушки Маргарет стали предметом разговоров в спальне, уже в первый вечер ее пребывания в доме.

– Прости, Кейт, но твоя мама говорит наиоскорбительнейшие вещи.

– Да, знаю, – ответила она, разбирая одну из полок Адама. – Но мы ее не изменим.

– Но она расистка. Она порой ужасающе узколоба, серьезно.

– Она моя *мама*, Адам. И она горюет.

– Понимаю, понимаю, но...

– У нее не было среднеклассового воспитания с милыми маленькими либеральными каникулами на юге Франции, как у тебя. Ей тяжело приходилось в юности. И ей тяжело сейчас...

– Очень *глупо* так говорить. Извини, но это все равно что сказать, что Гитлер ничего не мог поделать, ведь его так воспитали. И к тому же, ты ведь смогла спастись от своего вос-

³ Джон Энох Пауэлл (1912–1998) – политик-консерватор. В 1968 году прославился речью о проблемах иммиграции, которая даже в консервативной партии была расценена как расистская.

питания?

– Спасти́сь? Ты понимаешь, как высокомерно ты сейчас звучишь? Я ни от чего не *спаслась*, и я не стыжусь своей матери. Если не можешь принять тот факт, что я люблю кого-то, члена собственной семьи, что бы тот ни болтал, боюсь, это твоя дурацкая проблема.

– Отлично, раз ты этого хочешь... – и в этом конкретном случае Адам встал, чтобы спасти́сь. Взяв меня с собой. В парк.

– Идем, малыш. Гулять.

ЖЕСТКИЙ

Когда мы вышли на улицу, я пытался вразумить Адама. Зачем быть столь жестким с Кейт? Он никогда так себя не вел. Обычно он был спокойным и рассудительным.

Я вилял хвостом, тяжело дышал, смотрел мягко. Похоже, это возымело некий эффект, ведь когда мы подошли к парку, его походка стала легче и он даже начал насвистывать. А затем я вспомнил.

Вчерашняя женщина. Эмили.

Она вновь была там, как Адам, должно быть, и ожидал. Сидела на скамейке и смотрела, как Фальстаф трусит по парку. Вновь я решил, что лучше всего остаться с Адамом и убедиться, что он защищен.

– Еще раз здравствуйте, – сказал он.

– Здравствуйте-здравствуйте, красавчик, – откликнулась Эмили и погладила меня по голове.

– Вы босиком.

Она улыбнулась, ее голова склонилась набок.

– Да, я стараюсь не носить обувь. Насколько это возможно. Люблю ощущать землю под ногами, так я чувствую себя в согласии с природой и все такое. Знаете, вибрации. – Она подняла голову и взглянула на Адама. – Наверно, вы думаете, что я чокнутая.

– Нет, вовсе нет. Вовсе нет. Мне бы не помешало сейчас

почувствовать себя в согласии хоть с чем-то, если уж начистоту.

Лицо Эмили нахмурилось от преувеличенного сочувствия, хотя ее запах остался прежним.

– О, простите. Бедняжка. Трудный день в офисе?

– В школе, вообще-то. Я учитель.

Преувеличенное сочувствие перешло в преувеличенное удивление.

– Учитель? Ух ты, должно быть это *восхитительно!*

Адам помолчал, он никогда прежде не получал такого отклика.

– Что ж, бывают хорошие моменты. А вы?

Эмили выглядела смущенной.

– Ваша работа? Вы работаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.